

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ СТАРШЕГО ДРУЖКИ НА ЧУВАШСКОЙ СВАДЬБЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО КОСТЮМА (вторая половина XIX – начала XX в.)

И. Г. Петров

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа, Россия. ipetrov62@yandex.ru

На основе литературных источников, архивных документов и полевых материалов автор рассматривает функции и особенности костюма старшего дружки, который входил в число главных свадебных персонажей. Отмечается, что во время свадьбы он был посредником между родом жениха и невесты, способствовал их благополучному брачному соединению, выполнял обязанности распорядителя и церемониймейстера, осуществлял магические функции с целью защиты молодых и других участников свадебного поезда от порчи и болезней, веселил свадебных поезжан и родственников невесты. Особый статус старшего дружки подчеркивался некоторыми особенностями одежды. В основном это достигалось путем включения в костюмный комплекс дополнительных атрибутов: полотенца, пояса, платков, переметной сумки, кнута и т.д. Набор этих атрибутов зависел от локальных особенностей свадебной обрядности.

Ключевые слова: *чуваши, свадебный обряд, старший дружка, должностные функции, костюм и атрибуты костюма.*

Основными персонажами чувашской свадьбы были жених (*кёрү каччи / кёрү каччӑ / каччӑ*) и невеста (*хёр*). Именно вокруг них разворачивались главные действия свадебного ритуала. Однако, несмотря на это, они не занимали доминирующего положения. При этом наибольшей пассивностью отличалась роль жениха. Все действия, требовавшие активности с его стороны, совершались через сопровождающих его свадебных чинов: руководителя свадебного поезда (*туй пусӗ*), старшего дружки (*ман кёрү*), посаженных родителей (*хайматӑх*), дружек (*пуса каччисем / кёрнӱкӑрсем / туй ачисем*). Что же касается невесты, ее роль в свадебной церемонии, по сравнению с женихом, была более активной. Например, одним из важных элементов свадьбы у низовых и средненизовых, а также некоторой части верховых чувашей был плач невесты *хёр йӑрри / хёр хӱхлевӗ*. Сначала он исполнялся в доме родителей невесты, а потом в домах родственников, у которых она гостевала до приезда жениха. Также невеста была главным персонажем, когда над ней проводился обряд «окручивания», во время которого она меняла свою прическу и головной убор на женский. На заключительном этапе свадьбы она участвовала в некоторых обрядах в доме родителей жениха. В основном они были направлены на проверку хозяйственных способностей в качестве будущей хозяйки и хранительницы домашнего очага. Так, в сопровождении родственников жениха молодая направлялась к водному источнику и оттуда на коромысле приносила воду, затем пекла бли-

ны, варила суп с клецками, угощала свадебных поезжан, одаривала их привезенными с собой подарками и т.д.

Более активную роль на свадьбе выполняли конкретные действующие лица или «свадебные чины», которые выбирались из числа родственников. Их присутствие на свадьбе было крайне необходимо, так как традиционная свадьба, представлявшая собой комплекс взаимосвязанных между собой обрядов и ритуальных действий, для их проведения и организации требовала не только их присутствия, но и активного участия. Свадебные чины присутствовали, как на свадьбе жениха «*арсын туйӗ*», так и на свадьбе невесты «*хёр туйӗ*».

Несмотря на то, что чувашский свадебный обряд, представлявший собой развернутое ритуализированное действие, в своей основе имел постоянный состав действующих лиц, их состав и присущие им функции имели вариативный характер. Последние были обусловлены этногенетическими и местными (диалектными) традициями [Ягафова: 2007, С. 126–136].

Сведения о свадебных персонажах, которые присутствовали на свадьбах верховых чувашей, можно почерпнуть из различных литературных и архивных источников. Из литературных источников наиболее ценными являются работы В. А. Сбоева, С. М. Михайлова, В. И. Михайлова, Г. И. Комиссарова, Н. В. Никольского, А. Н. Осипова и др.

В работе В. А. Сбоева свадебные чины со стороны жениха перечислены достаточно ла-

конично, лишь одной строкой: «Дружка, свахи, родственники, товарищи жениха и неизбежный пузырщик (*шыбырзе*) встают в кибитки и отправляются вслед за женихом» [Сбоев: 1865, С. 32]. У С. М. Михайлова перечень этих чинов описан более подробно: «той бось» или «свадебный голова»; «хыйматлых» – посаженный отец; «мун-крю» – старший зять (фактически старший дружка. – И. П.); «мун-крю арым» – жена старшего зятя; «кизинь-крю» – младший зять»; «тюлехсе» – «служитель, из молодых мальчиков для присмотра за лошадьми, как за жениховою, так и за лошадьми прочих поезжан». В числе остальных персонажей свадебного поезда жениха С. М. Михайлов еще указал музыкантов – «одного или двух пузырников и им в помощь одного или также двух холостых молодцов с бубнами, называемыми барабанами» [Михайлов: 2004, С. 73].

Эти же свадебные чины перечислены в работе В. И. Михайлова: «мункрю» (дружка), «кизень-крю» (полдружка), «скрипач», а также «5-6 молодых ребят в виде шаферов» [Михайлов: 1891, С. 17].

У Г. И. Комиссарова, взявшего за основу свадьбу в с. Богатырево Ядринского уезда Казанской губернии, основными свадебными персонажами указаны: «той пось» (свадебный голова), «мән кёрю» (старший дружка), «кёсьён кёрю» (младший дружка), «хыйматлăх» (посажённые родители), а также «пузырник», т.е. человек, играющий на чувашском музыкальном инструменте «шăпăр» типа волынки [Комиссаров: 1911, С. 358].

Такие же персонажи – «туй пусь» (голова свадьбы), «мән кёрю» (старший зять, дружка), «кёсьён кёрю» (шафер), «хыйматлăх» (посажённый отец) указаны в работе Н. В. Никольского о чувашах Козмодемьянского уезда Казанской губернии [Никольский: 1911, С. 5–6].

Более развернуто состав свадебных чинов представлен в монографии А. А. Осипова, посвященной обрядовой структуре и музыкальному фольклору свадьбы верховых чувашей (вирьял). Среди таковых в работе указаны «туй пусь / той пось» (глава свадьбы или свадебный голова), «мән кёрю» (старший дружка), «хыйматлăх / хыйматлăх атте» (посажённый отец), «хыйматлăх амăшĕ / хыйматлăх апи» (посажённая мать), «кёсьён кёрю» (младший дружка, младший зять), «түлĕхсĕ / ямçăк» (ямщик), «вăйăçă» (музыканты), «выйкилĕ-пос / вый-кĕл-пос» (глава, руководитель поезда невесты) [Осипов: 2007, С. 17–26].

Что касается низовых чувашей (анатри), то на ней, за некоторыми исключениями, присутствовали примерно те же свадебные чины. Так,

в дер. Трехизб-Шемурша Буинского уезда Симбирской губернии со стороны жениха на свадьбе участвовали: «туй пусь» (начальник свадебного поезда), «мән кёрю» (церемонимейстер, хлопотун), «уртакçă» (носильщик сумок со съестными припасами) и «музыкант» [Прокопьев: 1903, С. 12–13]. Среди других участников свадебного поезда им указаны также «дружки жениха», которые всегда находились рядом с ним и ехали верхом [Прокопьев: 1903, С. 15]. В с. Средние Алгаши Симбирского уезда Симбирской губернии главными персонажами свадьбы жениха были «мән кёрю» (дружка), «туй пусь» (глава свадьбы, блюститель порядка), «уртмахçă» (сборщик гостинцев), «хыйматлăх» (посажённые родители), «кёрю сұмĕсем» (дружки жениха), а также «купăс калакан» (скрипач) [Месарош: 2000, С. 336]. Такие же персонажи, за исключением посаженных родителей, присутствовали в свадебном поезде невесты.

Аналогичные по названию и статусу свадебные чины сопровождали жениха в кусте селений Тăхăрьял Буинского уезда: «туй пусь» (глава поезда), «туй арăмĕ» (помощница главы поезда, букв. свадебная женщина), «уртмахçă / такмахçă» (носильщик сумы с гостинцами), «кёрнүкёрсем» (дружки жениха), «купăсçă» (скрипач, музыкант), а также «кёрю сұммĕн» (дружка), в чьи обязанности входило неотступное следование за женихом и ношение за ним подушки) [Тимофеев: 2002, С. 170]. В некоторых свадебных традициях за последним утвердился другой термин – «минтерсĕ» (носильщик подушки) [Добросмыслов]¹. Он был в составе свадебного поезда, как жениха, так и невесты. По народным представлениям, подушка должна была оберегать молодых от порчи и сглаза. Поэтому в продолжение всей свадьбы, где бы они не были, они садились только на эту подушку. Т. М. Акимова в исследовании о саратовских чувашах писала: «Отец жениха распределял обязанности, назначал правителя свадьбы «ман керу», давал ему все полномочия и плетку в руку. Здесь же выбирался казначей и особый парень в свите жениха, который должен был носить за женихом подушку, так как жених боясь сглаза, никогда не садится прямо на скамью» [Акимова: 1926, С. 32]. Носильщик подушки, вероятно, является одним из плохо сохранившихся и быстро утративших свое значение свадебных чинов. Вероятно, что вначале эта должность имела достаточно широкий ареал распространения, однако потом его функции постепенно перешли к другим свадебным персонажам, в частности, к дружкам

¹НА ЧГИГН-2. Отд. I, Ед. хр. 358, Л. 16–17.

(у жениха) и подружкам (у невесты). А в с. Альшеево Буинского уезда Казанской губ. подушку жениха нес даже глава поезда¹.

Дискуссионным является должность «*вай килли пуçĕ / вай килли пуç / вай кил пуç*»² [Салмин: 2007, С. 238; Традиционная культура: 2014, С. 319–320], «*вий-килĕ-поç / вий-кĕл-поç*» [Ашмарин:1930, С. 197–198; Осипов: 2007, С. 26]. С. М. Михайлов перевел данный свадебный чин как «глава домовеселья»: «В эту должность избирается со стороны невесты кто-нибудь из родственников ее; он у невесты то же, что подружка у жениха, и называется «глава домовеселья» [Михайлов: 2004, С. 79]. В словаре Н. И. Ашмарина относительно данного персонажа поясняется, что это – «должностное лицо со стороны невесты, которое впускает жениховых поезжан в «*вий килĕ / вий килли*» [Ашмарин:1930, С. 197] или «*вайй килли / вай килли / вай кил*» [Ашмарин: 1930, С. 293] – «место в доме (избе) невесты, где сходится ее и женихова родня для свадебного веселья» [Ашмарин: 1930, С. 197]. По мнению В. Г. Родионова и А. А. Осипова, эта должность в основном присутствовала на верховой свадьбе [Родионов: 1982, С. 93; Осипов, 2007, С. 26]. Однако, как считает Е. А. Ягафова, обряд «*вай килли уйĕрни*» (раздел свадебного места), а значит и связанная с данным ритуалом должность «*вай килли пуçĕ*», представляют универсальное явление для всей чувашской свадьбы. Данный обряд она связывает с уксорилокальной традицией в свадьбе, т.е. первоначальным гостеванием поезжан жениха на стороне невесты. По мнению исследователя, эта традиция в низовой зоне встречается преимущественно в присвияжском ареале, в верховой – в междуречье Вылы, Сормы и Большого Цивилия, а за пределами Чувашии – в причеремшанской зоне Закамья, а также в Приуралье, значительную часть которого заселили чуваша-выходцы из Свияжского уезда [Ягафова: 2007, С. 148].

Таким образом, состав свадебных чинов в поезде жениха в верховой и низовой традициях был в целом одинаковым. Однако между ними есть и некоторые различия. Во-первых, на верховой свадьбе отсутствовали сборщик гостинцев (*уртмакçă / уртакçă / такмакçă*) и носильщик подушки (*минтерçĕ*), а на низовой свадьбе – младший дружка (*кĕçĕн кĕрĕ*). Во-вторых, в верховой свадебной традиции более выраженную функцию выполняли посаженные родители «*хайматлăх*», выполнявшие роль посредников между двумя свадьбами. В низовой традиции эти

персонажи присутствовали лишь постольку поскольку. В-третьих, на верховой свадьбе более детализированным был «низовой» или обслуживающий состав свадебного поезда жениха. В него входили музыканты, играющие на скрипке, пузыре, бубнах, барабанах (*купăс калакан или купăсçă, шăпăрçă, ваййçă* и др.), смотритель за лошадьми (*пĕлĕхçĕ*), ямщик и кучер (*ямçăк, кучăр*) и т.д.

Далее остановимся на функциях и особенностях костюма старшего дружки (*мăн кĕрĕ*). В качестве источников для исследования использованы опубликованные описания свадебного обряда чувашей с середины XIX до начала XX в., архивные источники, а также полевые материалы – записи рассказов-воспоминаний информаторов об обряде, бытовавшем в XX в. На чувашской свадьбе *мăн кĕрĕ* (досл. «старший зять») или «*аслă кĕрнекĕр*», «*мăн кĕрнекĕр*», «*мăн кĕрнĕкер*» наряду с главой свадебного поезда (*туй пуçĕ*) был одним из главных свадебных чинов. Если первый термин (*мăн кĕрĕ*) получил достаточно широкое распространение, как среди верховых, так и низовых чувашей, то остальные, в основе которых лежит слово «*кĕрнекĕр / кĕрнĕкер*» (досл. «военный дружинник жениха» или «дружка жениха») – в ограниченной зоне расселения низовых чувашей, локализуемой территориями Тобурдановской, Тюмеревской волостей Цивильского уезда, а также Кошелевской и Яльчикской волостей Батыревского уезда Казанской губернии [Ягафова: 2007, С. 127].

На должность старшего дружки обычно выбирали одного из женатых родственников жениха, обладающего даром красноречия, человека бойкого, расторопного и находчивого. Кроме этого он должен был хорошо знать свадебный ритуал, приговоры, шутки, свадебные песни. Не случайно в одном из источников подчеркивается, что «должность эта хлопотливая, требующая большой опытности» [Ашмарин: 1935, С. 308].

По народным представлениям, старший дружка наделялся особой магической способностью противостоять колдовству и воздействию злых сил. В его обязанности входила защита жениха и других участников свадьбы от порчи. Охранные или защитные действия старшим дружкой совершались на всех этапах свадьбы. В начале свадьбы он произносил молитву во благополучие свадьбы, заговаривал жениха и других свадебных поезжан от порчи, возглавлял свадебный поезд и по мере передвижения поезда устранял реальные и мнимые препятствия, отгоняя «злых духов», трижды ударял плеткой по воротам, через которые проезжала свадебная процессия и т.д. В обязанно-

¹Там же.

²НА ЧГИГН-3. Отд. I, Ед. хр. 176, Л. 89.

сти *мӑн кӗрӱ* входило также исполнение ритуала «*хаяр укҫи пӑрахни*» / «*хаяр пӑрахни*» (букв. «бросание монеты зла»). Локусами проведения данного ритуала обычно выступали перекрестки дорог, а также места, где водилась «нечистая сила». Доехав до такого места, свадебные поезжане по команде старшего дружки спешивались, а он, обращаясь с молением о благополучии свадьбы, бросал или зарывал в землю кусочки хлеба, сыра и монеты¹ [Ашмарин: 1941, С. 9, 11; Салмин: 2007, С. 242, 253; Традиционная культура: 2014, С. 15]. Руководствуясь такими же побуждениями, старший дружка первым заходил в дом невесты, затем трижды обходил его по кругу, троекратным ударом плетки «очищал» место для жениха и только после этого садился сам и приглашал к столу остальных поезжан. Он также самым первым пробовал все кушанья и напитки. В качестве иллюстрации сказанному приведем фрагмент интервью с Р. М. Прохоровой, записанного в с. Суккулово Ермекеевского района Республики Башкортостан: «*Мӑн кӗрӱ туй халӑхӗ кӗриччен сӗтел йӗри-тавра ҫаврӑнса тухачӗ. Вара мӗнпур апатсене ативсе тухачӗ. Ёлӑк вӗт ҫамрӑк мӑйӑра пӑсасран хӑранӑ. Мӑн кӗрӗве пӑсни лек-мест течӗҫ*» (Перед тем, как свадебные поезжане войдут в дом, старший дружка обходил стол с угощениями. После этого он пробовал все кушанья. Ведь раньше боялись, что на молодую пару могут навести порчу. Говорят, что на старшего дружку порча не действует)².

Важной обязанностью старшего дружки были распорядительные функции. С момента назначения на эту должность он являлся главным церемониймейстером свадьбы. Все обряды и ритуальные действия совершались только по его командам. Он начинал свадебный ритуал, распоряжался остальными свадебными чинами (кроме свадебного головы), просил родителей жениха начать благословение сына, давал поезжанам команду садиться по подводам, давал указания свадебным поезжанам и руководил движением свадебного поезда. Распорядительная роль старшего дружки ярко проявлялась и в доме невесты. Здесь он руководил свадебным пиром: приглашал к столу, рассаживал гостей, разносил блюда, угощал пивом и водкой, разрезал на части сваренного гуся и раздавал их свадебным поезжанам и т.д. Здесь же он устанавливал порядок следования обрядов и строго следил за их исполнением. Его указания и

приказы были обязательными для всех свадебных поезжан, потому что послушание и невыполнение его распоряжений не одобрялось и осуждалось общественным мнением. Другой обязанностью старшего дружки было произнесение перед родителями невесты и их родственниками торжественной приветственной речи «*саламалик*» или «*мӑн кӗрӱ такмакӗ*», которая одновременно выполняла обрядовую, бытовую и поэтическую функции [Егоров: 1982]. По мнению В. Г. Родионова, этот фольклорный жанр развился из мифологического эпоса, исполнявшегося родовым жрецом во время предсвадебных обрядов. Затем он постепенно превратился в приговор шуточного характера, произносившегося дружкой перед входом в дом родителей невесты с целью расположения к себе родственников невесты и получения разрешения войти в дом хозяина [Родионов: 2009]. Эту речь старший дружка изрекал во время гостеваний жениха у своих родственников, а также по приезде свадьбы жениха к дому родителей невесты. Если в первом случае старший дружка обходился сокращенным вариантом, то во втором он должен был произнести свою речь в полном объеме [Комиссаров: 1914]. Необходимо также заметить, что свадебные приветственные речи «саламалик» были распространены в основном в низовой и средненизовой зоне, тогда как в верховой зоне они широкого распространения не получили.

В течение всей свадьбы дружка также способствовал брачному соединению жениха и невесты. Будучи доверенным лицом и посредником между родом жениха и родом невесты, он выплачивал «воротные деньги» (*хапха укҫи*) за право въезда во двор, вел переговоры с девушками и выкупал невесту, во время встречи двух свадеб заставлял жениха и невесту целоваться и меняться кольцами под покрывалом, сопровождал их в церковь, подводил к алтарю, держал над женихом брачный венец (у православных чувашей), сопровождал молодых в клеть или амбар, где молодожены проводили первую брачную ночь, несколько раз проводывал их, а утром будил молодых и приглашал к столу.

Кроме этого дружка был балагуром и увеселителем участников свадьбы. От его способности вести свадьбу, умения петь и танцевать, вовлекать в веселье остальных поезжан зависел не только общий настрой свадьбы, но и авторитет свадебного поезда в целом. Поэтому мужчин, обладающих такими качествами, в качестве старшего дружки почти всегда приглашали на свадьбы своих родственников, так как их умения в этом отношении всегда высоко ценились.

¹НА ЧГИГН-4. Отд. I, Ед. хр. 29, Инв. № 2830, Л. 10.

²ПМА-1. Записано от Р. М. Прохоровой, 1945 г.р. в с. Суккулово Ермекеевского р-на Республики Башкортостан (далее РБ).

Тем не менее, у низовых, средненизовых и верховых чувашей функции старшего дружки различались. В низовой свадьбе он выполнял «функции жреца-организатора обрядности инициации и связанного с ним обряда бракосочетания» [Егоров: 1982, С. 107]. В верховой свадебной церемонии оберегающая функция «*мӑн кӗрӳ*» была не столь выразительной. По мнению А. А. Осипова, многие элементы обряда, которые в низовой традиции исполнял старший дружка, в том числе и оберегающие, у верховых входили в обязанности свадебного головы (*туй пуçе*) [Осипов: 2007, С. 19]. Поэтому в верховой свадьбе функции старшего дружки большей частью совмещались с функциями младшего дружки «*кӗçӗн кӗрӳ*». Так, по описанию С. М. Михайлова, во дворе невесты старший дружка помогал младшему дружке ссаживать жениха с лошади [Михайлов: 2004, С. 80]. А в с. Богатырево Ядринского уезда Казанской губернии он вместе с младшим дружкой угощал свадебных гостей пивом, носил мешок с гостинцами, начинал с ним свадебную пляску и т.д. [Комиссаров: 1911, С. 357–364]. Аналогичные функции старшего дружки, совпадающие с функциями младшего дружки, отмечены также в Сундырской волости Чебоксарского уезда и Малояшевской волости Ядринского уезда Казанской губернии [Ягафова: 2007, С. 127]. В средненизовой свадебной традиции старший дружка (*мӑн кӗрӳ*) и особенно его жена (*мӑн кӗрӳ арӑмӗ*) в большей мере выполняли роль посредников. Так, в Чебоксарском уезде Казанской губернии жена старшего дружки по возвращении свадебных поезжан обратно в дом родителей песней сообщала о приезде невесты.

В заключение несколько замечаний о внешнем облике (костюме) старшего дружки. В целом костюм указанного свадебного чина мало чем отличался от праздничного. Тем не менее, в некоторых источниках иногда подчеркивается внешняя, хотя бы формальная отмеченность или наделенность его одеяния некоторыми атрибутами. Как и жених, поверх нательной одежды старший дружка надевал на себя верхнюю одежду в виде кафтана или халата. В прошлом старинные кафтаны шились исключительно из белого холста. Особенно нарядными были т.н. свадебные кафтаны «*туй шупӑр*» [Никитин, Крюкова: 1960, С. 37]. С распространением в чувашской деревне дешевой мануфактуры белохолщовые кафтаны были вытеснены легкими кафтанами или поддевками из тонкого сукна. Сверху кафтан подпоясывался длинным поясом-кушаком «*тысӑклӑх*» [Ашмарин: 1935а, С. 195; Тимофеев: 2002, С. 172],

«*тиçиххи*» [Ашмарин: 1935, С. 308]. Пояс изготовлялся из шерстяных и льняных ниток, иногда с добавлением бумаги или шелка. Концы его вышивались цветными шелковыми или шерстяными нитями или распускались в виде многочисленных кистей. Наряду с ткаными поясами бытовали также кожаные. Поясом несколько раз обертывали талию, а вышитые или распущенные кистями концы спускали по бокам с двух сторон. В дер. Трехизб-Шемурша Буинского уезда Симбирской губернии, по описаниям К. П. Прокопьева, «*мӑн кӗрӳ*» к кушаку еще привешивал какой-нибудь нарядный платок: «Одновременно с женихом одеваются тут же разные должностные лица: *мӑн кӗрӳ*, *туй пуçе*, *уртакçӑ*. Одевание их простое и состоит в том, что сверх кафтана они подпоясываются кушаком, к кушаку привешивают платок...» [Прокопьев: 1903, С. 12–13]. Традиция привешивания пестрого платка «*чӑнар тутӑр*» к поясу главы поезда, старшего дружки, носильщика сумы и музыканта отмечалась также в с. Полевое Байбахтино Цивильского уезда Казанской губернии¹.

Другим отличительным знаком данных свадебных чинов выступал отрез белого холста или домотканое полотенце также белого цвета. Они повязывались наискосок через плечо или крест-накрест через оба плеча. В начале XX в. вместо холста и белого полотенца на старшего дружку иногда завязывали женский головной убор «сурпан» или полотенце «*сӗлкӗ*» с украшенными ткаными узорами, вышивкой и кружевом концами². Иногда эти полотенца не перекидывали через плечо, а лишь оборачивали вокруг талии в виде пояса.

Обязательным атрибутом старшего дружки была ременная нагайка. Она в основном использовалась в защитных целях. Охраняя жениха от «нечистой силы», перед въездом во двор родителей невесты он ударял нагайкой по крыше, дверям и столбам въездных ворот. А войдя в дом свата, совершал троекратный обход стола, затем три раза наносил перекрестные удары по скамейкам и только после этого предлагал жениху садиться. После этого за стол садился сам, но нагайку при этом клал под себя, т.е. устранял всякую возможность касания плети кем-либо [Салмин: 2010, 141].

В некоторых локальных традициях старший дружка иногда выполнял обязанности сборщика продуктов и гостинцев «*уртмахçӑ / такмахçӑ*».

¹НА ЧГИГН-5. Отд. I, Ед. хр. 209, Инв. № 5609, Л. 305–306.

²ПМА-2. Записано от Р. Ф. Петровой, 1937 г.р. в с. Тятербаш Стерлибашевского р-на РБ.

ПМА-3. Записано от В. Г. Цветкова, 1938 г.р. в с. Асавбаш Аургазинского р-на РБ.

В таком случае он обязательно носил с собой большую кожаную или холщовую переметную суму «уртмах» или «такмак». Позже переметные сумы были заменены обычными холщовыми или кожаными мешками или сумками.

Таким образом, согласно сценарию чувашской свадьбы, одним из главных его персонажей был старший дружка (*мӑн кӗрӳ*). Кроме него в состав свиты со стороны жениха входили глава поезда (*туй пуçе*), младший дружка (*кӗçӗн кӗрӳ*), носильщик кожаной сумки с гостинцами (*уртмакçӑ / такмакçӑ*), неженатые парни, охранявшие жениха (*пуса каччисем / кӗрнӳкерсем / туй ачисем*), посаженные родители (*хӳйматлӑх*), а также музыканты.

Функции старшего дружки были разнообразными и они во многом совпадают с функциями старшего дружки или аналогичного ему должностного лица в свадебных традициях других народов, например, русских [Зеленин: 1904, С. 3–5; Гура: 2011, С. 132–134].

Во-первых, в свадебном ритуале он представлял сторону жениха и был посредником между ним и стороной невесты (всегда находился рядом с женихом, платил за въезд свадебного поезда во двор родителей невесты, расплачивался за вход жениха в дом невесты, сидел рядом с женихом за столом, присутствовал на венчании).

Во-вторых, по А. В. Гура [Гура: 2011, С. 132], он «способствовал брачному соединению жениха с невестой» (во время встречи двух свадебных поездов заставлял молодых меняться кольцами и поцеловаться, выкупал невесту у ее подружек,

сводил молодых и сажал их за стол, стоял рядом во время родительского благословления, сопровождал молодых к венчанию, отводил жениха и невесту к брачному ложу, проводывал и угощал их во время брачной ночи).

В-третьих, старший дружка вместе с главой свадьбы выполнял роль распорядителя или церемониймейстера (начинал свадебный ритуал, просил благословить жениха, возглавлял свадебный поезд и давал им указания, руководил застольем и выносом приданого в доме невесты).

В-четвертых, он совершал магические действия и ритуалы, направленные на защиту жениха и свадебных поезжан от порчи и болезней (молился во благополучие молодых и свадьбы в целом, находясь впереди свадебного поезда, отгонял от него «злые силы» и задабривал их молитвой и поднесением кусочков и денег, ударял плеткой по воротам, а также лавкам, куда садились жених и другие участники свадьбы, три раза по кругу обходил стол, пробовал все кушанья и напитки перед их подачей и т.д.).

В-пятых, старший дружка исполнял роль балагура и весельчака (по А. В. Гура – «свадебного скомороха и шута» [Гура: 2011, С. 134]). Это проявлялось в том, что в течение всей свадьбы он веселил свадебных поезжан и родственников невесты шутками и прибаутками, произносил приветственную речь «саламалик»). Основными атрибутами костюма этого свадебного чина были ременная плетка, полотенце, пояс-кушак и цветные платки, подвешиваемые к поясу.

Список литературы

1. Акимова Т. М. Старое и новое (Духовная культура с. Казанла Вольского уезда) // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Вып. 34. Ч. 4. С. 23–35.
2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. V. Чебоксары, 1930. 420 с.
3. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. VII. Чебоксары, 1934. 336 с.
4. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. VIII. Чебоксары, 1935. 355 с.
5. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. IX. Чебоксары, 1935а. 320 с.
6. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. XVI. Чебоксары, 1941. 376 с.
7. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2011. 936 с.
8. Добросмыслов Ф. Чувашская свадьба (из жизни чуваш Буинского уезда // Симбирские губернские ведомости. 1876. № 57.
9. Егоров Н. И. Чувашский саламалик // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 106–129.
10. Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии (записал и снабдил примечаниями Д. К. Зеленин). Вятка, 1904. 39 с.
11. Комиссаров Г. И. Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 311–432.
12. Комиссаров Г. И. Чувашский «саламальныйник» // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 3. С. 134–137.

13. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Чебоксары, 2000. 360 с.
14. Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш. СПб., 1891. 42 с.
15. Михайлов С. М. Чувашские свадьбы // Михайлов С. М. Собрание сочинений / сост. В. Д. Димитриев. Чебоксары, 2004. С. 67–91.
16. Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960. 165 с.
17. Никольский Н. В. Этнографические заметки о чувашах Козьмодемьянского уезда Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27. Вып. 4. Казань, 1911. С. 245–270.
18. Осипов А. Н. Чувашская свадьба: обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары, 2007. 206 с.
19. Прокопьев К. П. Брак у чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 1. С. 1–63.
20. Родионов В. Г. Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 54–105.
21. Родионов В. Г. Саламалик // Чувашская энциклопедия. Т. 3: М-Се. Чебоксары, 2009. С. 612.
22. Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007. 654 с.
23. Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010. 240 с.
24. Сбоев В. А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях: их происхождение, язык, обряды, поверья, предания. М., 1865. 188 с.
25. Тимофеев Г. Т. Девятиселье. Этнографические очерки, фольклорные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания / сост. А. В. Васильев (Васан), В. П. Станьял. Чебоксары, 2002. 431 с. На чув. яз.
26. Традиционная культура чувашей: тексты (материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук) / подг. к изд. А. К. Салмин. СПб., 2014. 358 с.
27. Ягафова Е. А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары, 2007. 530 с.

Сведения об авторе

Петров Игорь Георгиевич – ведущий научный сотрудник отдела этнографии, кандидат исторических наук, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Уфа, Россия.

ipetrov62@yandex.ru

Magistra Vitae.

2018. No 1. P. 177–185.

MAIN FUNCTIONS AND FEATURES OF THE COSTUME OF A SENIOR BRIDESMAN IN THE CHUVASH WEDDING RITUAL

I. G. Petrov

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Researches of the UFRC RAS, Ufa, Russia. ipetrov62@yandex.ru

Based on literature sources, archival documents and field materials the author considers the functions and features of the costume of a senior bridesman who was one of the main wedding characters. It specifies that during the wedding he was an intermediary between a bridegroom and a bride, promoted their successful marriage, performed duties as a steward and ceremonies master, performed magical functions to protect the young couple and other participants in the wedding group from spoilage and illnesses, and amused wedding travelers and relatives of the bride. A special status of a senior bridesman was emphasized by some peculiarities of his clothing. Basically, this was achieved by including additional attributes in the suit complex: towels, belts, handkerchiefs, saddlebags, a whip, etc. The set of these attributes depended on the local features of the wedding ritual.

Keywords: *Chuvashs, wedding ceremony, older buddy, official functions, suit and attributes.*

References

1. Akimova T. M. (1926) Staroe i novoe (Duhovnaja kul'tura s. Kazanla Vol'skogo uezda) [Old and new (Spiritual culture of Kazanla v. of Volsk county)], in: *Trudy Nizhne-Volzhskego oblastnogo nauchnogo obshhestva kraevedenija* [Proceedings of the Nizhne-Volzhsky regional scientific community of local lore]. No. 34, part 4, pp. 23–35 (in Russ.).
2. Ashmarin N. I. (1930) *Slovar' chuvashskogo jazyka* [Dictionary of the Chuvash language. Iss. V]. Cheboksary, 420 p. (in Russ.).
3. Ashmarin N. I. (1934) *Slovar' chuvashskogo jazyka* [Dictionary of the Chuvash language. Iss. VII]. Cheboksary, 336 p. (in Russ.).
4. Ashmarin N. I. (1935) *Slovar' chuvashskogo jazyka* [Dictionary of the Chuvash language. Iss. VIII]. Cheboksary, 355 p. (in Russ.).
5. Ashmarin N. I. (1935a) *Slovar' chuvashskogo jazyka* [Dictionary of the Chuvash language. Iss. IX]. Cheboksary, 320 p. (in Russ.).
6. Ashmarin N. I. (1941) *Slovar' chuvashskogo jazyka* [Dictionary of the Chuvash language. Iss. XVI]. Cheboksary, 376 p. (in Russ.).
7. Gura A. V. (2011) *Brak i svad'ba v slavyjanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbols]. Moscow, 936 p. (in Russ.).
8. Dobromyslov F. (1876) Chuvashskaja svad'ba (iz zhizni chuvash Buinskogo uezda) [Chuvash wedding (from life of Chuvashs of Buinsk county)], in: *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsky Province Newsletters]. No 57 (in Russ.).
9. Egorov N. I. (1982) Chuvashskij salamalik [Chuvash salamalik], in: *Chuvashskij fol'klor. Specifika zhanrov* [Chuvash Folklore. Specificity of genres]. Cheboksary, pp. 106–129 (in Russ.).
10. Zelenin D. K. (1904) *Svadebnye prigovory Vjatskoj gubernii (zapisal i snabdil primechanijami D. K. Zelenin)* [Wedding sentences of Vyatka province (recorded and provided with notes by D. K. Zelenin)]. Vjatka, 39 p. (in Russ.).
11. Komissarov G. I. (1911) Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ja [Chuvashs of the Kazan Transvolga region], in: *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [News of Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Kazan, Vol. 27, Issue 5, pp. 311–432 (in Russ.).
12. Komissarov G. I. (1914) Chuvashskij «salamal'nik» [Chuvash salamalik], in: *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga* [Bulletin of the Orenburg Educational District]. No. 3, pp. 134–137 (in Russ.).
13. Mesarosh D. (2000) *Pamjatniki staroj chuvashskoj very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary, 360 p. (in Russ.).
14. Mihajlov V. I. (1891) *Obrjady i obychai Chuvash* [Rituals and customs of the Chuvashs]. S-Petersburg, 42 p. (in Russ.).
15. Mihajlov S. M. (2004) Chuvashskie svad'by [Chuvash weddings], in: *Mihajlov S.M. Sobranie sochinenij* [Mikhailov S.M. Collected works]. Cheboksary, pp. 67–91. (in Russ.).
16. Nikitin G. A., Krjukova T. A. (1960) *Chuvashskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo* [Chuvash folk art]. Cheboksary, 165 p. (In Russ. and Chuv.)
17. Nikol'skij N. V. Etnograficheskie zametki o chuvashah Koz'modem'janskogo uezda Kazanskoj gubernii [Ethnographic notes about Chuvashs of Kozmodemyansk county of Kazan province], in: *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [News of Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Kazan, Vol. 27, Issue 4, pp. 245–270 (in Russ.).
18. Osipov A. N. (2007) *Chuvashskaja svad'ba: obrjad i muzyka svad'by* [Chuvash wedding: wedding ceremony and music of virjal]. Cheboksary, 206 p. (in Russ.).
19. Prokop'ev K. P. (1903) Brak u Chuvash [Marriage of Chuvashs], in: *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Vol. 19, Issue 1, Kazan, pp. 1–63 (in Russ.).
20. Rodionov V. G. (1982) Voprosy zhanrovoj klassifikacii chuvashskogo fol'klora [Questions of genre classification of the Chuvash folklore], in: *Chuvashskij fol'klor. Specifika zhanrov* [Chuvash Folklore. Specificity of genres]. Cheboksary, pp. 54–105 (in Russ.).

21. Rodionov V. G. (2009) Salamalik [Salamalik], in: *Chuvashskaja enciklopedija, vol. 3: M-Se* [Chuvash Encyclopedia. T. 3: M-Ce]. Cheboksary, p. 612 (in Russ.).

22. Salmin A. K. (2007) *Sistema religii chivashej* [The system of Chuvash religion]. S-Petersburg, 654 p. (in Russ.).

23. Salmin A. K. (2010) *Tradicionnyje obrjady i verovanija chivashej* [Traditional rites and beliefs of Chuvashs]. S-Petersburg, 240 p. (in Russ.).

24. Sboev V. A. (1865) *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnoshenijah: ih proishozhdenie, jazyk, obrjady, pover'ja, predanija* [Chuvashs in everyday, historical and religious relations: their origin, language, rituals, beliefs, traditions]. Moscow, 188 p. (in Russ.).

25. Timofeev G. T. (2002) *Devjatisel'e. Etnograficheskie ocherki, fol'klornye materialy, dnevnikovye zapisi, pis'ma i vospominanija* [Nine villages. Ethnographic sketches, folk songs, diary entries, letters and recollections]. Cheboksary, 431 p. (in Chuv.).

26. *Tradicionnaja kul'tura chivashej: teksty (materialy Nauchnogo arhiva Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk)* (2014) [Traditional Chuvash culture: texts (materials from the Scientific archive of the Chuvash state Institute of humanitarian Sciences)]. S-Petersburg, 358 p. (in Russ. and Chuv.).

27. Jagafova E. A. (2007) *Chuvashi Uralo-Povolzh'ja: istorija i tradicionnaja kul'tura jetnoterritorial'nyh grupp (XVII– nachalo XX v.)* [Chuvashs of the Ural-Volga area: the history and traditional culture of ethno-territorial groups (XVII– beginning of XX century)]. Cheboksary, 530 p. (in Russ.).